

© 1996 г.

Л.Г. ИОНИН

КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Новые дифференциации

С точки зрения социологической теории, гораздо более важными, чем проблемы, возникающие вследствие провалов социального государства и его социальных и экономических программ, являются проблемы, порожденные его действительными и неоспоримыми достижениями, а именно: беспримерным повышением материального жизненного уровня, всеобщей экспансией образования и утверждением того, что в разных пропагандистски, ориентированных трудах именовалось государством всеобщего благоденствия. Все эти достижения постепенно привели к необходимости коренного переопределения понятия социального неравенства, а вместе с ним и главных понятий, регулирующих представления о социальной структуре.

Неравенство при этом перестает быть ценностно негативным понятием; неравенство начинает пониматься как инакость, непохожесть, в конце концов как плюрализация и индивидуализация жизненных и культурных стилей.

Первыми на эту сторону дела обратили внимание специалисты в области биографических исследований. Указанные выше изменения — повышение жизненного уровня, возможностей образования и социальной безопасности — существенно изменили *организацию индивидуальных биографий* [21]. Жизненные планы стали предусматриваться на гораздо более долгий, чем раньше, период; стало возможным говорить о «биографизации поведения и переживания» и о «жизненных программах», внешне напоминающих карьерные планы в профессиональной деятельности, но, по сути, не сводимые к последней, а ориентированные на личностную реализацию в самых разных, а иногда и в нескольких одновременно, сферах жизни.

Это увеличение возможностей самореализации корреспондирует даже с формальными изменениями стандартного жизненного цикла. Появились *новые возрастные статусы* помимо традиционных — детства, юности, зрелости и старости: «послеюношеская стадия», предполагающая возможность продления, по сравнению со старшими когортами, времени обучения и образования; стадия, именуемая «empty nest», или «послеродительская стадия», дающая возможность (женщинам) начала «новой жизни» после того, как выросшие дети покидают семью; наконец, это более долгая пенсионная стадия, длительность которой возрастает, так сказать, с двух концов — путем снижения пенсионного возраста и путем увеличения средней продолжительности жизни.

Наконец, отмечается *плюрализация форм семейной жизни*, состоящая в том, что считавшаяся несколько десятков лет назад обязательной буржуазная «ядерная» семья имеет все меньший удельный вес, а преобладают начинают постепенно одиночки либо формы совместной внебрачной жизни с детьми или без детей.

Окончание. Начало см. в № 2, 1995.

Все эти факторы ведут к плюрализации и индивидуализации жизненных стилей, что выражается прежде всего в ускоренном распаде традиционных коллективных жизненных форм. Становится все менее ясным и наглядным, что такое «...соответствующая положению, приличествующая, вообще хорошая жизнь. Изменчивость и творчество становится "знаком качества" хорошей жизни» [22].

Возможно ли в этих изменчивости и творчестве ухватить нечто более стабильное, или они рассматриваются лишь как противопоставление прежним стабильным формам? В большинстве западных теоретических концепций прямого ответа на этот вопрос не дается. Констатируется лишь, что наступающая индивидуализация и плюрализация, освобождение от воздействия традиционной социальной среды и свобода выбора индивидуальных жизненных стилей, знаменуют собой «конец социального расслоения» [23].

У. Бек как бы подытоживает многочисленные и разнообразные спекуляции на эту тему в виде четырех тезисов. **Первый:** резкое улучшение материального положения подавляющего большинства населения ведет к детрадиционализации сословно окрашенных «классовых положений», так что, например, рабочие получают доступ и возможность реализации ведения образа жизни, характерного для буржуазии.

Второй: материальное благосостояние выступает в сознании тех, кто его обретает, как *индивидуальное* достижение, даже если это на самом деле не его заслуга, а продукт общественных изменений, улучшивших положение всего общества. При этом его социальное сознание индивидуализируется, а соответствующая классово-культурная идентификация в той же мере ослабевает.

Третий тезис: параллельно вышеназванным процессам происходит диверсификация и индивидуализация жизненных положений и жизненных путей, которая обязана своим происхождением резкому скачку социальной мобильности в конце 60—70-х годов. «Социальная мобильность — даже географическая мобильность, даже повседневная мобильность, состоящая в перемещениях между семьей и рабочим местом, — перемешивает и перепутывает жизненные ситуации и жизненные пути членов общества» [24, S. 125].

Четвертый тезис: будучи обусловленным этими тремя процессами — детрадиционализацией классовых состояний, распадом классовых идентификаций и нарастающей мобильностью, — происходит распад социальных классов и слоев, соответствующих прежним иерархическим социоструктурным моделям. На место сословно-классового жизненного мира приходят отличающиеся друг от друга индивидуализированные жизненные миры. Сами эти миры Бек детально не характеризует; важно, что «в ходе этого процесса люди *становятся свободными* от социальных форм индустриального общества — класса, слоя, семьи, обусловленного полом положения мужчины и женщины» [24, S. 15].

Что касается перспектив развития, Бек дает краткое перечисление признаков надвигающегося «постклассового общества». Во-первых, социальное неравенство выступает здесь исключительно в статистической форме, нисколько не отражаясь в непосредственной очевидности норм и образов жизни; там, где делается попытка восстановить старые классовые и сословные лояльности, это превращается в конструирование искусственных членений, не имеющих оснований в реальности. Во-вторых, социальная мобильность теряет здесь свою побудительную силу, индивид склонен менять свою жизнь сам, не обращаясь к системно обусловленным реальностям и целостностям: он принимает ответственность за любые изменения на себя, не перекладывая их на систему. В-третьих, политическая жизнь — любые блоки и коалиции — приобретает «пунктирную» форму, основываясь на темах и ситуациях, а не на квазионтологической привязке к объективным классовым положениям. В-четвертых, новые неравенства приобретают новое значение и новую важность, основывающиеся на аскриптивных признаках.

Новые дифференциации и дифференцирующие факторы в России

То, что сформулировано У. Беком и другими исследователями применительно к Германии или другим развитым индустриальным странам в основном западного мира, кажется, на первый взгляд, не имеющим никакого отношения к современной российской действительности. Чисто структурные моменты происходящих ныне в России изменений совершенно не соответствуют тому, что происходило в западных странах и привело в конце концов к отмеченной выше индивидуализации и плюрализации жизненных форм. Вместо необычайного повышения жизненного стандарта на фоне устойчивого экономического роста, что имело место на Западе, в России происходит противоположный процесс — глубокое падение жизненного уровня большинства населения. Вместо "биографизации" своих жизненных планов (что может происходить только на фоне освобождения от экономических забот) российский гражданин часто оказывается суждено заботиться исключительно о выживании, что отнюдь не предполагает формирования долгосрочных жизненных планов. Постоянный жилищный кризис сильно затрудняет возможность существования альтернативных семейных структур и формирования «дополнительных» жизненных стадий, таких, как построительская. Что же касается продления «пенсионного» существования, то это выглядит абсолютно нереальным на фоне таких факторов, как сокращение средней продолжительности жизни, величина пенсий и необходимость постоянных приработков только для того чтобы обеспечить собственное существование. Все это, казалось бы, исключает плюрализацию и индивидуализацию жизненных форм и способствует, наоборот, формированию архаичных, с точки зрения современного социокультурного развития, форм социального расслоения¹.

Однако наблюдение российской реальности демонстрирует и совершенно другие факты.

1. Резкое, даже скачкообразное *увеличение количества* самых многообразных, абсолютно не сводимых к сословным, классовым или слоевым определениям *жизненных форм и стилей*, имеющих исключительно культурное происхождение [25, 26]. Все эти стили, возникшие в России в течение последних пяти—десяти лет не корреспондируют непосредственно с категориями демографической, профессиональной или экономической структуры как советской, так и нынешней «капиталистической» России.

2. Крайняя *условность и подвижность профессиональной структуры* в сегодняшней России. Парадоксальным образом необходимость борьбы за выживание не обедняет, а наоборот обогащает жизненно-стилевой репертуар индивидов. Необходимость приработка для содержания семьи часто заставляет индивида осваивать и усваивать жизненные формы и стили, к которым он никогда бы не обратился в благополучной и стабильной ситуации. Так, например, не редкость, когда ученый часть своего времени работает как водитель такси, используя для этого либо собственный, либо чужой автомобиль; рабочие и служащие используют свободное время для коммерческой деятельности, отправляются в шоп-туры, становятся коммерческими посредниками, коммивояжерами и т.д. Влияния такой смены профессий нельзя недооценивать. Происходит *релятивизация жизненных стилей* в практике отдельно взятой личности. Разрушаются стабильные классово-культурные и специфически слоевые идентификации, которые уже не могут быть в полной мере восстановлены даже в условиях возможной социальной и экономической стабильности. Это как потеря стилевой невинности.

¹ Поэтому неудивительно, что российская социология работает в основном именно с этими архаичными моделями, либо с несколько модифицированными и измененными версиями социальной структуры капиталистического общества, сформулированными в трудах Маркса—Энгельса, применяя их для описания и анализа современной российской действительности.

К таким же последствиям приводит частая смена родов деятельности вплоть до смены профессий даже индивидами, сформировавшими устойчивую идентичность в профессиях, которые, как оказалось, в трудных экономических условиях не дают возможности выживания.

3. *Повышение роли аскриптивных характеристик и соответствующих форм поведения.* Как можно предположить, роль аскриптивных статусов становится выше по двум причинам. Во-первых, известная ожесточенность борьбы за существование повышает удельный вес натуралистических определений личности (определений по полу, возрасту, иным биологическим и природным качествам), ибо последние в значительной мере предписывают успех или неуспех взаимодействий.

Но роль подобных статусов велика в любом обществе, и ее усиление или уменьшение представляется временным и зависящим от достаточно краткосрочных колебаний экономической ситуации. Гораздо важнее возрастание роли аскриптивных статусов другого рода, возникающих вследствие: (а) распада индивидуальных биографий и массовой дезидентификации, что делает понятия достижения и успеха если не абсурдными; то во всяком случае малозначимыми для значительной части населения, и (б) резкого возрастания распространенности презентативного, инсценировочного поведения, которое и рассчитано на аскриптивные формы ориентаций и поведения. Можно обобщить, сказав, что массовая дезидентификация приводит к снижению удельного веса «достиженческих» ориентаций и поведения и к увеличению аскриптивных форм ориентаций и поведения как натуралистических, так и инсценировочных.

Легко видеть, что возрастание роли аскриптивных статусов в России происходит частично по другим причинам, чем в развитых западных странах, где оно объясняется плюрализацией и индивидуализацией жизненных форм и стилей, протекающими из наличия богатейших ресурсов разного рода. В России оно носит как бы вынужденный характер, мотивируясь, с одной стороны, потребностями экономического выживания (в меньшей мере), с другой — необходимостью поиска новых идентификаций взамен утерянных. Но результат будет тот же самый, ибо плюрализация инсценируемых культурных стилей неизбежно должна вести к плюрализации и индивидуализации практикуемых жизненных форм.

4. Новым дифференцирующим фактором становится необычайная по сравнению с предшествующим советским периодом *широта предложений в области образования.* Практически нет ни одной профессии, и ни одной жизненной формы, которая не могла бы быть освоена и усвоена в соответствующих обучающих организациях как внутри страны, так и за рубежом. Но этот фактор ведет к дифференциации не только и не столько в вертикальном отношении (распределению по слоям, характеризующимся уровнем образования наряду с доходами и т.д.), а скорее к горизонтальной дифференциации, то есть к распределению обучающихся по группам, характеризующимся различными формами и стилями жизни. Образование стало (наряду с прежними его функциями) средством освоения новых стилей. Дороговизна и кажущаяся недоступность множества образовательных организаций, как правило, не становятся препятствием для индивидов, готовых освоить новую для них жизненную форму.

5. *Утрата мотивирующей силы социальной мобильности,* точь-в-точь как отмечено У. Бекком применительно к западному миру. Получение образования, как правило, не говорит о подъеме по социальной лестнице, переходе в вышележащий слой, хотя и является свидетельством *индивидуального* достижения и залогом достижений.

Этот любопытный факт объясняется, пожалуй, отсутствием стабильной и единообразной шкалы престижа профессий и выступает признаком переходного периода. Для одних престижны интеллектуальные профессии, предполагающие долгое и кропотливое изучение и обучение, такие, как история, философия, естественные науки,

пользовавшиеся высоким престижем в советское время. Для других престижны профессии, предполагающие быстрый успех и обогащение, такие, как бизнес-менеджмент, прикладная экономика, юриспруденция, выдвинувшиеся на передний план в силу экономических трансформаций. Для третьих престижны профессии, вообще не предполагающие систематического обучения, такие, как персональная охрана, стрип-шоу, просто коммерция любого масштаба.

Именно релятивизация престижности профессий и родов деятельности ведет к снижению роли социальной мобильности. Мобильность ценится только в стабильной системе престижа. Там, где ее нет, речь может идти только и исключительно об индивидуальной оценке престижа профессии или рода деятельности.

Поэтому образование утрачивает свой прежний социальный смысл. Оно приобретает двойкий новый смысл: как средство достижения экономического успеха и как орудие доступа к новым жизненным формам и стилям.

6. *Специфическая организация политики*, такая же, какая была отмечена Бекон как тенденция применительно к западноевропейским странам. Политическая жизнь в России сегодня далека от традиционных западных моделей, но близка современным западным моделям. Если отвлечься от преходящих проблем слабой процедурной организации, что естественно, ибо у нас пока крайне скудный опыт демократической практики, то главным признаком российской политики является практически полное отсутствие социально-слоевой идентификации политических партий. Многочисленные попытки отдельных партий и лидеров установить предполагаемую классическими политологическими учениями «принципиальную координацию» между партией с ее доктриной и соответствующим социальным слоем многократно и красноречиво проваливались. Рабочие отказываются идти в лоно социал-демократии, промышленники не поддерживают ни гайдаровскую партию, ни партию экономической свободы, которые собственно для них и создавались. Нет партии рабочих и партии крестьян, нет партии бедных и партии богатых.

Формирование блоков и движений регулируется не социальной (социально слоевой) близостью участвующих партий, а именно актуальными политическими темами, по которым может возникнуть временная общность целей, и конкретными политическими ситуациями. Социально обусловленной идиосинкразии политиков разных ориентаций не возникает. И это не неразборчивость и беспринципность, как о том любит шуметь пресса, а принципиальная характеристика политики, в корне изменившейся вместе с ликвидацией и очевидной бесперспективностью восстановления традиционной классово-слоевой структуры общества.

Насколько подвижны партии, настолько же подвижен и изменчив избиратель, который уже не ищет партию, соответствующую его классово-слоевой специфике, и часто даже вообще не ищет партию, за которую голосует постоянно, неоднократно меняет предпочтения, ориентируясь на конкретные политические темы и ситуации. Если и существуют закономерности поведения таких «подвижных» избирателей, то изучать их надо, очевидно, опираясь на понятия жизненных и культурных стилей, которые, собственно, и выражают специфику электорального поведения.

Все эти факты приводятся здесь для того, чтобы показать: Россия в результате начавшихся в 1985 г. медленно и мучительно развивавшихся реформ, перешедших впоследствии в революционные по масштабам и стилю изменения, отнюдь не вернулась в собственное, досоветское, или буржуазное, характерное для середины века, прошлое, а естественным образом перешла в характерное для современных западных стран «постклассовое» состояние.

Разумеется, этот переход не завершен. В стране сейчас налицо элементы и тенденции, характерные для постклассового общества. Но они могут и, очевидно, будут фигурировать в роли матрицы, на основе которой при улучшении и стабилизации экономической ситуации будут формироваться социальные отношения «зрелого» постклассового общества.

Социальное распределение стилей

В одной из статей я подробно описываю различные подходы и определения понятий «жизненный стиль», «культурный стиль», «жизненная форма» и т.п. [27]. Существует, однако, еще один, не теоретический, но вполне практический критерий выделения подобного рода групп, не совпадающих с классами, слоями и группами, выделяемыми согласно разнообразным критериям социальной стратификации. *Маркетинговые исследования* и изучение потребительского рынка давно уже ориентируются не на группы в социальном смысле, а на агрегаты в техническом смысле слова, то есть на множества индивидов, обладающих определенным признаком. В данном случае речь идет о потребительских предпочтениях.

Процедура заключается в том, чтобы, определив предпочтения марки сигарет, например, или определенной модели автомобиля, обнаружить социодемографические признаки предпочитающих, вскрыть характерные черты их жизненного стиля и, таким образом, точно определить целевую группу, на которую должен в данном случае ориентироваться производитель [28, S. 374].

Теоретической основой подобных исследований могут служить концепции жизненной формы или жизненного стиля, но в любом случае теоретическая основа (это, впрочем, касается не только маркетинговых, но и социологических и даже психологических исследований в данном направлении) содержит несколько *формальных признаков* или формальных свойств жизненно-стилевого подхода.

Немецкий социолог Х.-П. Мюллер определяет их следующим образом [28, S. 374—376].

1. *Целостность*. Предполагается, что, идет ли речь о жизненном стиле личности (как у Шпрангера или Адлера) или группы (как у многих других), данный жизненный стиль определяет с большей или меньшей полнотой все ее жизненные проявления. Он дает целостный образ (гештальт²) личности или группы, который может быть схвачен не только из целого ее жизни, но даже из мелких ее деталей.

2. *Добровольность*. Это крайне важный момент процесса «стилизации» жизни. Человек не выбирает класс, слой, социальную группу, к которым принадлежит по рождению, воспитанию, образованию, размеру дохода. (Социально-слоевые признаки носят прескриптивный характер.) В случае же жизненного и культурного стиля всегда налицо *выбор*, ибо стиль как раз тем и отличается от традиции или канона, что дает практикующему его индивиду возможность свободного выбора.

3. *Характерность*. Момент своеобразия, который дает жизненному стилю свой сразу легко идентифицируемый и безошибочно узнаваемый облик³.

4. *Распределение шансов стилизации*. Масштаб возможностей стилизации, имеющих в конкретном обществе, зависит от многих факторов, в первую очередь от его ценностной и нормативной системы, а также от уровня жизни и материального благосостояния граждан. Чем слабее социетальные, институциональные и ситуационно специфические нормы и регуляции, тем очевиднее место традиционных ролевых и ритуальных моделей занимают жизненные стили, конкурирующие между собой за свободно выбирающего индивида. С другой стороны, чем выше материальное благосостояние и равенство в распределении благ, ресурсов, возможностей образования, тем больше альтернатив выбора стилей. Поэтому, пишет Мюллер, «ценностный

² Гештальт (от нем. Gestalt — образ) — обозначение некоей конфигурации единиц (деталей, предметов и т.д.) или последовательности событий, которые хотя и состоят из отдельных элементов, членов или частных процессов, однако воспринимаются не как сумма составляющих, а как единое, выделенное из окружающей среды целое. Специфическое «гештальтное» качество эти единства получают благодаря своей структуре, то есть особому порядку взаимного расположения, или следования элементов друг за другом, или же связи элементов между собой. (Термин «гештальт-психологии» Вертхаймера.)

³ Признак «характерности» имеется в перечне черт стиля, предлагаемом Х.-П. Мюллером, хотя по сути дела он представляется излишним, ибо характерность предполагается самим понятием стиля.

и нормативный плюрализм и общественное богатство являются необходимым условием возрастания свободы выбора индивида и многообразия предлагающих себя на выбор жизненных стилей» [28, S. 375].

5. *Распределение стремлений к стилизации.* Так же, как существует распределение шансов стилизации, так же существует и распределение стремления к стилизации. Последнее может рассматриваться на уровне всего общества, а может — на индивидуальном уровне. Что касается общественного уровня, то — оказывается, что стремление к стилизации жизни и ее проявлений является в современном обществе в основном свойством средних слоев. Высшие слои, как правило, не стремятся к стилизации жизни, очевидно потому, что они не стоят перед необходимостью отграничивать себя «сверху». Их жизненный стиль демонстрирует свободу и естественную независимость по отношению к общественным конвенциям, благодаря чему они естественным образом и без всякого насилия над собой остаются в рамках собственной традиции. Они располагают безграничными возможностями стилизации, но не демонстрируют стремления к ней; их стиль — это их традиция. Низшие же слои остаются такими, каковы они есть, совсем по другой причине: они не могут жить иначе, поскольку постоянное давление материальных обстоятельств диктует им образ жизни, не оставляющий возможностей для стилизационных экспериментов.

На уровне индивида стремление к стилизации также распределяется неравным образом по различным этапам жизненного пути. Наиболее высоки как стремления, так и шансы стилизации, в юности и в периоде взрослости. В старости, напротив, многие жизненные стили становятся просто физически и биологически недоступными, снижается то, что можно назвать стилизационным темпераментом, социальные факторы все более уступают место биологическим. Точно также в детстве возможности и шансы стилизации невелики, ибо, с одной стороны, это период активного внедрения в сознание ребенка моральных норм, что противоречит самой возможности стилизации, с другой — его видение мира ограничено горизонтом дома и школы, предоставляющими весьма узкий репертуар стилизационных возможностей.

Собственно, три первых выделенных Мюллером черты стиля предполагаются самим определением стиля и включены сюда только ради того чтобы представленное совокупностью этих черт определение было достаточно полным. Две же другие характеристики — распределение шансов и распределение стремлений к стилизации — имеют принципиальное значение и заслуживают подробного разбора.

Новая парадигма социоструктурного подхода

Сама возможность разговора о распределении (шансов и стремлений к стилизации, в данном случае) возвращает нас к исходному пункту рассуждений о социальном расслоении и социальном неравенстве — к идее вертикальной классификации. Ясно, что вертикальные классификации в любой культуре сохраняются в любом случае, прежде всего классификации, основывающиеся на аскриптивных признаках, таких как пол, возраст, цвет кожи, а также других, менее значимых — цвет волос, физическая конституция, соотношение объемов груди, талии, бедер и т.д. Все эти индивидуальные факторы играют существенную роль в распределении шансов и возможностей стилизации, а зачастую играют роль детерминирующих факторов, определяющих и предписывающих конкретные направления и содержание принимаемых и осваиваемых стилей.

Однако в распределении шансов и возможностей стилизации важны и другие факторы — факторы, уже традиционно выступающие в качестве базисов классификаций, на которых зиждется в современной социологии интерпретация социального неравенства, а именно: те же самые уровень дохода, объем и престижность образования, профессии и т.д. Потому что, как справедливо отмечает Мюллер, высший класс имеет все возможности, но мало стремления к поиску и выбору новых

культурных стилей, тогда как низшие классы — наоборот, или почти наоборот. Точно также, чем выше образование, несущее с собой знание альтернатив жизни, тем выше возможности, а зачастую и стремление к стилизации.

Здесь возникает дилемма, решив которую, мы по существу придадим теоретическую определенность всему изложенному в этой статье материалу. Дилемма заключается в следующем: являются ли жизненные и культурные стили действительно «свободно-парящими формами», оторванными от социального субстрата (даже если этот субстрат когда-то имелся в наличии) и свободно и произвольно выбираемыми суверенными субъектами с целью самоидентификации и упорядоченного ведения собственной жизни, или жизненные и культурные стили изначально, хотя это и не очевидно, скоординированы с определенными позициями в социальной структуре, и выбор определенного стиля означает по существу идентификацию с определенной позицией в традиционной (или слегка модифицированной) системе социальной стратификации.

Начнем со второго варианта. Если мы выбираем этот ответ, то все обсуждение проблемы жизненных и культурных стилей, хотя и важно с точки зрения анализа культурного опосредствования социальных процессов, мало что меняет по сути в нашем видении природы социальной структуры, социального неравенства и социальных трансформаций. Мы как бы усложняем картину, вписывая новые детали, новых персонажей, придаем характерам новые оттенки, но не меняем по существу ни фабулы, ни главных действующих лиц. Разумеется, это означает приращение социологического знания, более детальный, более глубинный анализ протекающих процессов, а кроме того, просто более правильный портрет социальной реальности на данном этапе ее развития. В принципе, это подход в стиле Бурдьё, который понял и истолковал культуру как совокупность инструментов идентификационных стратегий [29]. Согласно этому подходу, классовое и слоевое членение общества не исчезает, не растворяется в культуре, но культура играет роль активного медиума, созидающего, лепящего, так сказать, классово-слоевые идентификации. Выбор первого ответа приводит к гораздо более радикальным выводам. Во-первых, мы автоматически лишаемся оснований для разговора о социальном неравенстве как социальной проблеме, ибо рассыпаются в прах *универсальные* вертикальные классификации, то есть те, относительно базиса которых существует всеобщий консенсус. Социальное неравенство остается, но оно депроблематизируется, так как основывается на аскриптивных статусах (принадлежность к жизненной или культурной форме). Неравенство, можно сказать, плюрализируется. Каждая из форм обладает особенной классификацией, основанной на характерном именно для нее признаке. Таким образом, плюрализация жизненных или культурных форм ведет к плюрализации неравенств, но *социальное неравенство как таковое*, неравенство с большой буквы, искоренение которого в свое время составило одну из основных задач модернистского проекта, — это неравенство *исчезает*.

Поясню, что я имею в виду, на примере. 70—80-е годы на Западе были периодом расцвета, среди многих прочих, двух прямо противоположно ориентированных культурных стилей: хиппи и яппи. Термин хиппи не нуждается в объяснении. Яппи (от английского словосочетания — *young urban professionals*) — в основном молодые бизнесмены, практикующие подчеркнуто деловой стиль, строгость манер, корректность в обращении, оснащенные техническими атрибутами состоятельного делового человека — компьютер-лэптоп, особой марки часы, особой марки автомобиль. Дело, разумеется, не ограничивалось чисто внешними свидетельствами стиля; имелся характерный набор ценностей и норм: подчеркнутая лояльность по отношению к государству, высокая ценность семьи и т.д. и т.п. Многие из современных русских молодых бизнесменов практикуют стиль яппи.

Но нас в данном случае интересуют не эти группы сами по себе, а их отношение к неравенству и соотношение их концепций неравенства. Самое интересное заключается в том, что их представления о неравенстве не соприкасаются и практически не

могут быть взаимно транслированы. Для хиппи все люди равны, все люди — братья, в идеале община хиппи не иерархизирована. Яппи, наоборот, придерживаются практически традиционной системы классификации (доход, образование, престиж) и в оценке людей руководствуются «достижительскими» признаками.

Заметим в скобках, что наводит на размышления сам по себе факт выделения в качестве отдельного и самостоятельного культурного стиля (или культурной формы) того, что должно, согласно общепринятым социологическим представлениям, являться слоем, органической составной частью социальной структуры; этот факт свидетельствует либо о неадекватности социологических представлений, либо о «размывании» действительной социальной структуры, о чем у нас и идет речь.

Так вот, в представлениях яппи и хиппи отсутствует общая для обеих групп система вертикальной классификации, которая могла бы стать основой взаимопонимания в вопросе о социальном неравенстве и взаимосогласованного размещения той и другой групп в стратификационной системе. То же самое можно наблюдать и в отношении других культурных и жизненных форм и культурных стилей. Каждая и каждый из них руководствуется собственной классификацией, не совпадающей с классификацией других. Это и означает плюрализацию неравенств и снятие с повестки дня проблемы неравенства как такового.

Во-вторых, в случае, если признается свободное, социально неприкрепленное существование форм и стилей, приходится отказаться от понятия социальной стратификации.

Здесь то же самое соотношение, что и в мировой стратификации. Разделение культур и обществ на примитивные, традиционные и развитые возможно только в том случае, если имеется единый критерий, а критерий этот представляет, как показано выше, универсальная эволюционистская парадигма. Смена парадигм, переход на точку зрения культурного плюрализма разрушает самый базис классификации и всю систему стратификации обществ в глобальном масштабе. Не случайно поэтому, модернистский проект и сложившиеся в его лоне теории модернизации, цель которых — ликвидация региональных неравенств, подтягивание «мировой периферии» (стран и регионов Африки, Азии, Латинской Америки, а теперь и СНГ) до уровня развитых индустриальных обществ — неразрывно связаны с идеями эволюции и прогресса, которые после смерти старого культур-антропологического эволюционизма возродились в социологически ориентированном неэволюционизме структурно-функциональной школы. Без идеи прогресса и глобальной стратификации рухнула бы вся система политической и экономической организации мирового порядка.

Точно также без идеи вертикальной стратификации и ликвидации неравенства, то есть подтягивания низших классов к уровню доходов, образования и т.д. средних классов составляющих в развитых капиталистических странах большинство населения, меняется вся политическая и хозяйственная организация этих стран. Гадать, какой она должна быть, эта новая, горизонтально организованная социетальная структура, бессмысленно; это дело не социологов, а футурологов. Хотя целый ряд социальных экспериментов в разных странах мира демонстрирует разные варианты возможной организации регулируемого сожительства разных жизненных форм и стилей.

Таковы возможные теоретические последствия двух альтернативных ответов на вопрос о том, скоординированы ли самые разные жизненные формы и стили с позициями, имеющимися в социальной структуре сегодняшнего общества.

Однако на самом деле эти два ответа не представляют собой альтернативы. Говорить, как это делает Х.-П. Мюллер, о распределении шансов и стремлений к стилизации по разным позициям в стратификационной системе — вовсе не означает отрицать возможности дальнейшей реидентификации индивидов и становления соответствующих жизненных форм и стилей в качестве самостоятельных элементов

социальной структуры [26], не вписывающихся в существующую ныне систему стратификации. В этом смысле точка зрения П. Бурдьё, признающего классовую структуру общества и уточняющего наши представления об этой структуре, вовсе не противоречат позиции, например, Бергера и Храдила, возвещающих «конец социального расслоения», «конец стратификации» [30]. Наоборот, подход Бурдьё, изучающего, как культура, формируя классовые идентификации, начинает играть все большую роль в воспроизводстве социальной структуры, демонстрирует, по сути дела, как культура, независимо от предполагаемой социально-экономической матрицы, принимает на себя роль структурирующего агента. В таком случае и мюллеровский анализ распределения шансов и стремлений к стилизации, и концепция Бурдьё, и ряд других теорий, на которых мы здесь не останавливались, есть не что иное, как изучение процесса трансформации социальной структуры современных индустриальных обществ в новую структурную организацию, основанную не на вертикальном, а на горизонтальном членении.

Социология и постмодерн

Такого рода развитие в области социальной структуры вкупе со многими другими социальными и культурными процессами (такими, например, как усложнение социальных, экономических, технологических систем, делающее их непостижимыми и непрозрачными не только для «человека с улицы», но и для специалистов и профессионалов) должно означать либо провал, либо исчерпанность модернистского проекта. Приведенные выше характеристики эпохи модерна просто неприменимы к сегодняшним реалиям. Уже несколько десятилетий сначала художники и искусствоведы, затем культурологи, а затем и многие специалисты в области социальных наук ведут речь о наступлении эпохи «постмодерна».

Термин «постмодернизм» возник в 30-е годы в контексте художественной критики, а понятие «постмодерн» впервые было употреблено в 1947 г. знаменитым историком Арнольдом Тойнби для обозначения нового периода в развитии западной цивилизации [31]. Не углубляясь в философские, искусствоведческие и культурологические интерпретации, остановимся на проявлениях постмодерна применительно к общим принципам постижения и организации жизни.

Прежде всего это распад «метаповествований», характерных для эпохи модерна, то есть распад грандиозных идеальных целостностей, во взаимодействии которых и складывался модернизм. Это наука, религия, гуманизм, философия, социализм, феминизм и т.д., то есть идейные образования, претендовавшие на полную и исчерпывающую интерпретацию мира, или, по крайней мере, открывающие перспективу создания тотального мировоззрения. Самое важное здесь, пожалуй, отказ от метаистории, то есть универсальной исторической концепции, выстраивающей всю историю в одну стройную и последовательную схему. И отказ (или тенденция отказа) от «глобальных концепций социальной структуры».

Далее, это отказ от попыток расколдовывания мира и от расколдовывания как цели. Явился ли этот отказ вынужденным или добровольным, — другое дело. То, что оказалось тупиком для модерна («новая непрозрачность»), стало выходом для постмодерна. Невероятная усложненность семантических, технологических и социальных систем, утрата ими в процессе развития основополагающих организационных принципов, смешение разнообразных принципов и стилей в рамках одной и той же системы как результат ее развития — все это просто исключило возможность *рационального* познания многих систем, возникших в результате человеческой* деятельности. Кроме того, тенденция многих систем и групп к закрытости, сознательно культивируемая эзотеричность означают просто нежелание расколдовываться, то есть сознательный вызов духу модерна. Сюда же можно отнести расцвет и приумножение иррационалистических движений, сект, кругов именно в конце

XX столетия, когда, как казалось, и должен восторжествовать модернистский рационализм.

Меняется и содержание культуры. Казавшаяся когда-то прочной культурная иерархия исчезает. Скорее, бывшая «высокая культура» обретает субкультурный статус. Культура дифференцируется на мало зависимые, или вовсе независимые друг от друга культурные стили, формы и образы жизни. Культурная индустрия, которая раньше рассматривалась как производительница непрестижной и «дешевой» массовой культуры, оказывается приобретающей новую, не присущую ей ранее функцию — функцию производителя и распространителя не просто «легкой музыки» и «эстрадных песенок», а жизненных форм и жизненных стилей. В этой же функции к ней присоединяются масс-медиа. Достаточно вспомнить Вудсток, чтоб понять, как масс-медиа и культуриндустрия, сами порожденные модерном, подрывают и расшатывают его основы, открывая пути для новой эпохи. У нас в стране были свои вудстоки, пусть не столь масштабные и громкие.

М. Файзерстоун отметил гигантский рост в последние десятилетия масштабов шоу-бизнеса, который на Западе по обороту сравнивается с крупными отраслями промышленности [32]. Такой же или сравнимый рост налицо у нас в стране, только он происходит на фоне промышленного спада. Это означает, что едва ли не единственной по-настоящему процветающей производственной отраслью является у нас производство жизненных форм и стилей, причем производимые «модели» меняются здесь безостановочно вместе со сменой поп- и рок-идолов, рэпа, рейва и прочих поп- и рок-стилей.

Для *социологии* свидетельством наступления новой эпохи стало выдвижение культуры на первый план социологического внимания. Это констатация, которую при необходимости легко документировать, сославшись на библиотечные классификации и количество постоянно появляющихся новых социологических и социально-научных журналов, сосредоточивающихся на проблемах культуры. Культура, кроме того, становится для социологов постепенно главным инструментом объяснения текущих социальных трансформаций. Самые замечательные социологические концепции, появившиеся в последние десятилетия — назову лишь трех авторов: П. Бурдьё, Н. Элиас, Ю. Хабермас — являются по существу развернутыми версиями социологии культуры. Я, конечно, не собираюсь никого из этих авторов зачислять в постмодернисты. Просто они локализовали осевой момент грандиозной, длящейся уже несколько десятилетий и еще далекой от окончания трансформации, и по-разному, с разными целями и методологиями предали его анализу.

Постмодерн или то, что называют постмодерном, осуществляется именно в культуре и через культуру. Поэтому культурно ориентированная социология неизбежно становится основным орудием анализа этой исторической трансформации.

Вряд ли возникнет «постмодернистская социология»; такая, скорее всего, вообще невозможна. Постмодернизм, как он изображается его философами, это скорее, по Г. Гессе, фельетонная эпоха. Социологией постмодерна распространённую ныне социологию тоже нельзя назвать, ибо к новым реалиям общества вряд ли применим инструмент, сработанный применительно к модернистским социальным «метаметамодернизмам». Просто социология *должна меняться* вместе с изменением исследуемой общественной реальности и изменяя ее (но не ей). А сущность изменений в социальной реальности, хотя может быть и чересчур радикально, но в принципе верно выразил современный автор. «Там, где было общество, стала культура» [33].

ЛИТЕРАТУРА

21. *Kohli M.* Normalbiographie und Individualitaet. Zur instilutionrllen Dynamik der gegenwaertigen Lebenslaufregimes // *Brose H.-G., Hildebrand B.* (Hg.) Vom Ende des Individuums zur Individualitaet ohne Ende. Opladen: Leske, 1988.
22. *Brose H.-G., Hildebrand B.* (Hg.) Vom Ende des Individuums zur Individualitaet ohne Ende. Opladen: Leske, 1988, S. 17.
23. *Berger P., Hradil S.* (Hg.) Lebenslagen, Lebenslaufe, Lebensstile. Goettingen: Schwarz, 1990.
24. *Beck U.* Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1986.
25. *Ионин Л.Г.* Культура на переломе (механизмы и направление современного культурного развития в России) // Социол. исслед. 1995. № 2.
26. *Ионин Л.Г.* Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) // Социол. исслед. 1995. № 4.
27. *Ионин Л.Г.* Театр культурных форм // Человек. 1993. № 3.
28. *Mueller H.-P.* Sozialstruktur und Lebensstile. Der neuere theoretische Diskurs ueber soziale Ungleichheit. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1992.
29. *Bourdieu P.* La distinction. Critique social de jugcment. Paris: Les editions de minuit, 1979; *Boerdieu P.* Le sense pratique. Paris: Les edition de Minuit, 1980.
30. *Berger P., Hradil S.* (Hg.) Lebenslagen, Lebenslaufe, Lebensstile. Goettingen: Schwarz, 1990.
31. *Hassan I.* The culture of postmodernism // *Theory. Culture & Society.* 1985. 2/3.
32. *Fitherstone M.* Auf dem Weg zur einen Soziologie der postmodernen Kultur // *Haferkamp H.* (Hg.) Sozialstruktur und Kultur, S. 219ff.
33. *Berking H.* Kultur-Soziologie: Mode und Methode // *Berking H., Faber R.* (Hg.) Kultursoziologie — Symptom des Zeitgeistes. Wuerzburg: Koenigshausen & Neumann, 1989. S. 19.